

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Любовь и сны в дурдоме. Сон четвертый

— Тебе надо поспать, отдыхай.

— Не хочу тебя отпускать, больше никогда.

— Открою тебе секрет, завтра тебе разрешат прогулки. Мы будем гулять вместе, и я не отпущу тебя ни на секунду. Только надо тайком, чтобы ни кто не узнал. А то меня еще уволят.

— Не бойся с моим влиянием, они тебя не уволят, а еще и премию выдадут или даже нобелевскую премию, за чудесное излечение. — Я поцеловал тебя.

Не помню как, мои глаза закрылись и я заснул. Через час я проснулся, ты уже собиралась, застегивала халат. Мне так не хотелось, чтобы ты уходила. Ты прочла это в моих глазах.

— Ну не расстраивайся, ты же понимаешь, я на работе. Не скучай, утром я вернусь.

— Привяжи меня, иначе я побегу за тобой.

Ты улыбнулась, взяла меня за щеки и еще раз поцеловала. Ты ушла, а я даже не заметил, как снова погрузился в сон.

Сон четвертый.

Мы бежали, шлепая кедами по лужам сквозь сумерки. Мы убегали, силы были на исходе, но выбора не было. Если мы хотим жить нам надо бежать. Ты думала, что я знаю куда бежать, а я знал, что бежать некуда, все лишь вопрос времени. С тех пор как по планете вместо призрака коммунизма, стал бродить вирус зомби многое изменилось. И если сначала у меня была вера и надежда, то сейчас я был просто уверен. Мы последние. Мы последние люди на Земле, все остальные просто чудовища. Все было совсем не так, как в кино, не было никакого бункера, плана спасения, гения ученого, вакцины, избранного, городов-поселений. Всех просто сожрали, а мы спаслись, потому что бежали. Пока мы бежали они жрали других. Пятьдесят штатов назад им еще было кого жрать, теперь остались лишь животные и мы двое, парочка бегущих влюбленных. Нет еды, нет оружия. Все совсем не как в кино... Наконец мы забежали в пустое здание и спрятались за стену. Твое дыхание было тяжелым, прекрасная грудь то подымалась, то опускалась с большими амплитудами. Кажется здание пустое.

Здесь можно переночевать. Мне надо тебе все рассказать, рассказать, что от мыса Горн до края Канады бежать нам некуда. Кое-как мы устроились на чердаке, у зомби большие проблемы с лестницами, нет, они конечно взбираются по ним, но очень тяжело и комично. На ютубе видео с зомби на лестнице имело бы миллионы просмотров. Плюс тихо сделать хоть что-то у них не получалось. Ты прижалась ко мне, осенний холод заставлял тебя прижиматься ко мне с силой. Так и уснули. Утром я тебе все расскажу, до того как мы снова побежим.

Прохладное утро, ветерок гонял сухие листья по пустым улицам. Днем они почему-то почти не высовываются. Все самое интересное начнется с сумерками. Ты проснулась и сладко потягивалась. Твои рваные джинсы, кожаная куртка. Ты как всегда прекрасна даже в самый отстойный момент гибели планеты. Я тебя люблю. «С Добрым утром» — сказал я. «И тебе» — улыбнулась ты в ответ. Я перебирал наши вещи, пара консерв, нож, спички, фонарик, вода. Три года мы бегаем и уже точно ясно, что дальше бежать некуда. «Знаешь...» — я не знал, как начать — «Мы последние, шансов на то что что-то измениться нет, как и на то что мы встретим старость в тихом райском месте, это совсем не как в кино».

Ты посмотрела на меня, прямо в глаза, поцеловала и сказала: «Знаю. Я все ждала, когда ты это скажешь. Нам некуда бежать это больше не наш мир, а жить в постоянном страхе и беге,

сил больше нет. Я понимаю, о чем ты говоришь. Сегодня будет наш последний день, давай сделаем его незабываемым. Я люблю тебя». Ты улыбнулась. У меня словно камень упал с души, нет целый камнепад. Мы позавтракали и пошли в город. Пустой, но так только кажется. Мы нашли пустой дом, достаточно светлый, чтобы быть уверенными, что если там кто и есть то он точно не выберется из подвала до сумерек. Я натаскал воды из пожарного гидранта в ванну и развел костер из книг под ней, чтобы нагреть воду. Ты возилась с тем, что можно было бы назвать обедом. Я раздувал огонь под ванной, ты зашла, разделась, подошла ко мне, провела рукой по небритой щеке. «Составишь мне компанию» — сказала ты, «Конечно» — ответил я. Пока я раздевался, ты опустила ножку в воду, попробовала и залезла в ванну. «Торпеда!» — крикнул я и прыгнул в воду. Брызги разлетелись по комнате и по твоему лицу, ты рассмеялась. Я взял мочалку и начал нежно тебя намыливать, целуя в шею. Ты подставляла мне то плечо, то грудь, то ножку. Я целовал тебя. Ты заводилась. Игривая улыбка не сходила с лица, ты прикусывала губы, в глазах блестели искры. Ты села напротив меня погрузилась в ванну по шею, пропустила ноги вокруг меня.

Я кончиками пальцев стал проводить по твоему телу, разминая и массируя его, ты закрыла глаза и тихо что-то напевала от удовольствия. Я подкинул еще одну книгу в огонь под ванной. Я прикоснулся обеими руками к твоим грудям, и мягко начал их разминать, гладит, нежно мять. Я ощущал как по чуть-чуть она становилась плотнее. Я играл с сосками кончиками пальцев. Они затвердели. Ты что-то говорила мне, я что-то отвечал. Мы улыбались, смеялись. Ты встала, мыльная пена расходилась по твоему телу узорами. Ты словно Афродита из пены морской. Ты продемонстрировала мне все свое тело, повернулась ко мне спиной, села обратно в воду и уперлась, навалилась спиной на мою грудь. Я целовал тебя в шею и разминал твою грудь, она становилась все тверже и тверже. Соски словно окаменели. Ты ластилась ко мне и нежно вздыхала. Твоя поясница ощущала, как я начинаю возбуждаться. Мое возбуждение все сильнее и сильнее упиралось в твое тело. Ты это чувствовала, тебе это нравилось. Одна моя рука скользнула вдоль животика, к гладко выбритой промежности. Я аккуратно, нежно стал играть с ней пальчиком. Тебе нравилось, но ты не подавала виду. Ты позволяла себя ласкать. Чем я преданно и занимался. Я чувствовал, ощущал физически и духовно как медленно, но целеустремленно твое возбуждение нарастало. Росток страсти и желания сквозь асфальт нежности и ласки. Твоя грудь стала не просто упругой, она стала твердой, я все сильнее и сильнее сжимал и мял ее. Все активней работал пальцем ниже твоего живота. Ты немного извивалась. Рукой ты нащупала мой возбужденный орган под собой и начала его гладить и мять, проводить по нему вверх и вниз. Я наклонил голову к тебе и стал страстно тебя целовать.

Языки сплетались, руки дарили ласки наслаждения. Ты развернулась ко мне, приподнялась, и аккуратно ввела мой член в себя. Ты не могла больше ждать. Я по миллиметру ощущал как захожу в тебя. Пустую ванную, пустой город, пустую планету стали наполнять ритмичные звуки хлюпающей воды. Еще через несколько минут они стали оглушать мертвый мир своим гимном любви и жизни. Аккордами страсти, всхлипываниями удовольствия. В унисон им сливались наши стоны. Я положил тебя на спину в воду и продолжил, вода придавала легкость движениям, заставляя меня почти скользить в тебя и обратно. Поднятые волны бились о твою грудь, о наши тела. Твои ногти впивались в мою спину. Руки сжимали ее. Потом ты опустилась руками к моим ягодицам. Пуская свои коготки уже туда. Так продолжалось, пока мы не кончили. Водные процедуры окончились. Мы были довольные и

даже счастливые, не смотря ни на что. Страх отступил, но наступали сумерки. «Где это будет? Где мы их встретим? Мы умр...» — ты не хотела произносить последнее слово. «Не знаю, а где бы ты хотела и как?» — ответил я. «Не знаю, но я хочу, чтобы эти мрази видели нас, видели нашу любовь, видели все!». «Тогда на площади, там много света они будут подходить туда медленно, пока совсем не стемнеет. У нас будет время до конца заката». Надо было собираться, время подходило. В доме я нашел бутылку вина, взял плед, нашу сумку. Ты оделась. Ты была хороша как никогда. Волосы развивались, ты улыбалась такой чистой и искренней улыбкой. Мы пришли на площадь. Я постелил плед прямо на асфальт, насобирал дров и развел четыре костра.

Мы сели на плед и стали ждать начала сумерек. Мы пили вино из горла и разговаривали. Вспоминали друзей, травили байки, смеялись, вспоминали и вспоминали. Вспоминали мир, которого больше нет, и никогда не будет. Алкоголь был в голову, адреналин и страх зашкаливали. Веселье и смех сменились тоской и грустью. Я обнял тебя, ты положила голову на меня. Какое-то время мы смотрели на небо, на все окружающее, молча, стараясь то ли что-то понять, то ли запомнить, но скорее всего, проститься. Я наклонился к твоим губам и стал тебя целовать. Ты закрыла глаза. Я тоже закрыл. Последний день подходит к концу. Я расстегнул твою куртку и запустил туда руку, мягко ощупывая твой бок. Сквозь ткань, кожу и плоть, ощущая ребра и твоё тяжелое дыхание. Моя рука скользнула под твою футболку, держа тебя за бок под грудью. Ты крепко обняла меня, а затем стала снимать с меня куртку, не разрывая наших слившихся губ, не открывая глаз мы сняли кожу курток друг с друга оставшись в футболках. Я стянул с тебя футболку и повалил на плед. Ты открыла глаза и тихонечко вздохнула. Солнце заходило и на линии горизонта уже появились маленькие еле различимые силуэты тварей, но они еще далеко, у нас еще есть время. Твоя грудь смотрела на меня торчащими сосками, я скинул футболку, взял ее двумя руками и стал целовать, жестко массируя грудь. Твое тело становилось горячее. Я это чувствовал.

Твои руки водили по моей спине, шее, волосам, абсолютно хаотично. Я посмотрел на твое лицо, я видел желание и страх в твоих глазах. Вряд ли кто-то в мире когда-либо испытывал что-то подобное тому что испытывали мы. Я целовал твой живот, а руками стягивал с тебя джинсы. Тебе надо было расслабиться, страх пересиливал тебя, ты была скована. В след за джинсами в сторону полетели и трусики. Ты ждала, ждала, когда я это сделаю, когда прикоснусь к тебе языком, и возбуждение пересилит страх. Твоя грудь вздымалась, ты ласкала свое тело, но взгляд твой не сдвигался с одной точки, ты смотрела в небо. Пальчиками я немного раздвинул твои губки и мокрым кончиком языка прикоснулся к клитору и сразу убрал язык, ты вздрогнула. Я снова прикоснулся, ты снова вздрогнула. Я делал так несколько раз, сокращая каждый раз время между прикосновениями. Ты вздрагивала, продолжая ласкать руками свое тело и грудь. Наконец я уже не отрывался, а мягко гладил языком твой клитор. Ты стала тихонечко еле слышно постанывать. Я ощущал как ты раскрываешься, как тело твое успокаивается отдаваясь в мою власть и впадая в негу. Страх стал уходить из твоих клеток, уступая место возбуждению. Ты опустила руку на мою голову, направляя мои движения. От одного прикосновения до непрерывных ласк прошло не больше десяти минут. Я просунул палец в твою промежность проверяя насколько ты готова и стимулируя ту самую точку на верхней влажной стенке внутри тебя, ты стала более влажной. Тихие стоны, глубокие подавленные вздохи. Я отправил на помощь еще один палец, доставляя тебе удовольствие языком и все активной стимулируя заветную точку.

Откуда-то из далека, слышались хрипы мертвых мразей, но нам было уже все равно мы не обращали на них внимания. Ты пустила руку в мои волосы и сжала их от удовольствия. Я не останавливался, пока ты не потянула меня за волосы вверх, к себе. Ты подняла меня и стала целовать пах сквозь джинсы, расстегивая мой ремень, спустила джинсы и трусы одним разом, вместе. Упругий член выскочил освобожденный от пленявшей его ткани. Одной рукой ты сжимала мою ягодицу, другой взялась за основание члена, нежно взяла головку в ротик, облизывая ее языком. Дальше действия твои напоминали пружинку, ты заглатывала почти до основания, языком и ртом ощущая как кровь приливает к нему, как он набухает, как он становится больше и больше, ты же не заглатываешь его до основания, ты сосредоточена чуть дальше головки. Все это напоминало китайскую ловушку для пальцев, чем сильнее растягиваешь в стороны, тем невозможней вытащить пальцы и нельзя вернуться обратно. Ты посмотрела на меня снизу вверх и улыбнулась. Я легонько толкнул тебя в плечо, ты поняла намек и легла. Я лег на тебя, целуя в шею, держась одной рукой за шею, а другой, направляя кусочек себя в тебя. Плавно я вошел. Ты простонала. Дальше я действовал точно, четко с непрерывным ровным ритмом, я смотрел тебе в глаза, а ты смотрела в мои иногда закрывая и постанывая от удовольствия. Мы хотели запомнить друг друга такими, влюбленными любовниками. Хрипы мертвых были уже не далеко, Их фигуры было уже не сложно рассмотреть, пусть не четко, но были уже видны их омерзительные гниющие лица. Они стекались к нам со всего города, ровно по линии сумерек, вслед уходящему солнцу. Но у нас еще было время и нам нельзя было его тратить попусту.

Ты прислонила мое ухо к своим губам и прошептала: «Я хочу, чтобы эти мертвые убки видели нас, видели жизнь, хочу смотреть им в глаза». Ты встала на четвереньки лицом к надвигающейся толпе мертвецов. Я поводил головкой по твоим губкам, немного вставляя ее. Ты повернулась ко мне с улыбкой, в газах горела жадность и желание обладать им, чувствовать в себе. Я рывком вошел, взял тебя за ягодицы. Хрипы и рыки гниющих трупов стали заглушать твои громкие стоны и частые хлопки моих бедер по твоим ягодицам. Я словно римский легионер ритмом барабана ведущий солдат в бой, отбивал странный, сильный, мощный, гулкий ритм на твоей попке. Заставляя тебя стонами подпевать этому ритму. () Ритму идущих на смерть, но пляшущих на острее ее косы безумный танец пьянящей страсти. Я не видел, но знал, что глаза твои горят, ты опустила голову вперед и вниз. Ты замолкала, а потом разрывалась стоном, пальцами сжимала плед, разжимала и снова сжимала, будто что-то ищешь на ощупь.

Они были уже настолько близко, что их вонь стала окутывать нас, но нам было уже все равно мы не обращали никакого внимания на них. Я вернул тебя в исходную миссионерскую позицию, ты подняла ноги, и развела их настолько высоко и широко, насколько это было возможно. Я видел, ты была счастлива. Ты просто сходила с ума от удовольствия. Ты мотала головой из стороны в сторону, стоны были уже криками, ты кусала губы, впивалась до крови ногтями в мою спину, обхватила меня ногами и сжимала, тело извивалось, казалось ты просто не знаешь куда себя деть, тебе никогда не было так хорошо. Твари были уже в нескольких шагах от нас. Но кого это заботило? Точно не нас. Я чувствовал, чувствовал как что-то внизу твоего живота нарастает, и то же нарастало на кончике моего члена, еще чуть-чуть, еще пару минут, и вот оно, вот, вот, оно уже здесь, словно атомный взрыв. Нас взорвало и унесло на небо, подбросило и опустило и еще подбросило и опустило и еще раз. Ты прокричала: «ДААА!». Я прокричал что-то нечленораздельное. Я упал не тебя, через минуту я

пришёл в себя, и поцеловал тебя. Ты же все еще находилась во власти удовольствия. Расплываясь в улыбке и нет осознано глядя мое тело. Из под пледа я достал нож. Одним резким точным движением я ударил тебя. Холодная сталь в секунду нагрелась от жара твоего тела. Ты умерла быстро, не заметив и не поняв этого. Сразу.

Этого я и хотел, этого хотела ты. Ты умерла счастливой. Я хотел было ударить себя ножом в грудь, но не успел, чьи то зубы вонзились в мою руку. В ногу, в зад. Меня сожрали, сожрали заживо. До последнего момента я закрывал собой твое тело. И все время пока от потери крови и боли не разорвалось мое сердце, я кричал твое имя. До последней секунды я кричал не от боли, я кричал только твое имя. Чувствуя, как отрывают от меня куски плоти, как рвут мои жилы. Лишь имя, только имя. Рассвет освятил новую картину мира, мертвую и пустую. В лучах первого солнца нового дня новой планеты, в утренней туманной дымке, по среди площади маленького городка лежали два окровавленных голых скелета. Казалось, они обнимаются в последнем экстазе любви. Так умерли последние люди на мертвой планете. Так умерла последняя любовь.